

ПИТАННЯ КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ, КОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

УДК 811.161.1'42-291.1:[348.41+392/393]

КОНОВАЛОВА Надежда Ильинична,
доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии, культурологии
и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета;
Екатеринбург, Россия;
e-mail: sakralist@mail.ru; тел.: 007(343)354-11-75; моб.: +7-922-610-77-95

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблема исследования сакрального содержания, представленного в текстах традиционной народной культуры. Определяется суть понятия *сакральное* и коды его воплощения в культурной традиции. Предлагается комплексная лингвокультурологическая модель интерпретации сакрального текста с учётом его семантики, синтактики и прагматики. Выделяются такие параметры сакрального текста, как особые правила и /или условия произнесения, суггестивность, символическая насыщенность и др. Отмечена основная тенденция функционирования сакрального текста в современном социокультурном контексте — десакрализация на основе предметно-символической метафоры, метонимии, экспрессивно-оценочного переосмысления, деспециализации, расширения исходного сакрального значения и др.

Ключевые слова: сакральный текст, лингвокультурологическая модель, мифологема, десакрализация.

Для современной лингвокультурологии, этнолингвистики, социоллингвистики и ряда других смежных с лингвистикой областей научного знания актуальными становятся исследования текста как феномена, соединяющего пространства языка и культуры.

При исследовании сакрального содержания, формы его выражения в тексте и представленности в культурной традиции необходимо учитывать, прежде всего, то, что это фольклорный текст бытует, в основном, в устной традиции и выступает, следовательно, как «культурная память» социума. Эта память избирательна и непоследовательна, зависит во многом от моды и других социокультурных факторов и поэтому может «стираться». Ср.: «Традиционная народная культура — крестьянская, территориальная, диалектно неравномерная, с целым рядом типовых признаков и множеством местных вариантов, воплощенная в фольклоре, национальном костюме, в народных ритуалах, музыке и танцах, в художественных промыслах, — явление угасающее, растворяющееся в современной интегрирующей цивилизации» [11, с. 240]. В таком случае средством борьбы с «амнезией» культурной памяти, источником выявления информации об этом феномене являются культурные тексты в семиотическом смысле этого понятия, тексты многокодовые, в которых вербальные и невербальные компоненты выступают как единый смысловой комплекс, как взаимодополняющие способы передачи культурно значимой информации от поколения к поколению. При этом «следует иметь в виду, что здесь мы имеем дело не с отдельными самодостаточными явлениями, подобными материальным предметам, а с функцией, ролью: поэтическое и прозаическое, <вербальное и невербальное> и т. д. постоянно меняются местами, перетягиваясь в едином динамическом целом культуры. Поэтому нельзя в областях культуры и быта априорно отвергнуть тот или иной элемент, как незначительный» [5, с. 387]. Снятие с текста ограничений вербальными рамками характерно для этнолингвистических исследований в русле школы Н. И. Толстого, объясняющего такой подход следующими обстоятельствами: «Культура многоязычна в семиотическом смысле этого слова и нередко пользуется одновременно в одном тексте несколькими языками. В этом случае ... под текстом понимается не последовательность написанных или произнесённых слов, а некая последовательность действий и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность. Считаая, например, обряд таким текстом, выраженным семиотическим языком культуры, мы выделяем в нём три формы, три кода или три стороны языка — вербальную, реальную (предметную) и акциональную (действенную)» [10, с. 15–16].

Продуктивным для анализа сакрального текста (далее — СТ) как лингвокультурного феномена представляется подход к тексту как к семиотическому способу трансляции информации. Ср. понимание текста как модели мира, обусловленной «присущим данной культуре семиотическим пространством» [6, с. 165].

Традиционно понятие «сакральное» связывается с понятиями «священное», «религиозное», «культурное». Однако более детализированные словарные дефиниции сакрального дают основания для расширительного определения сути этого понятия: сакральное — 1) особые существа, связи и отношения, которые в различных религиях приобретают характер сверхъестественного; 2) совокупность вещей, лиц, действий, текстов, языковых формул, зданий и пр., входящих в культовую систему

[12, с. 337]. Сакральный компонент, таким образом, характеризуется целым спектром содержательных характеристик: а) 'священный', 'обрядовый', 'ритуальный', 'таинственный', 'магический', 'сверхъестественный' (см. конкретизаторы, которые приводятся в словарных дефинициях). В этот ряд включаются как субстанциональные свойства сакрального, так и функциональные признаки, которые характеризуют форму его проявления (обряд, ритуал, магия). Здесь понятие «священное» — лишь один из компонентов, составляющих сверхъестественное, одна из его ипостасей; б) 'относящийся к существу, персонажу, лицу', а также 'к вещи, зданию, действию, таинству' (см. релятивные параметры словарных толкований). Данные характеристики демонстрируют воплощение сакрального в некотором персонифицированном или опредмеченном начале; в) сакральность — явление комплексное, его значение может быть передано разными кодами: вербальным (тексты, языковые формулы), акциональным (действия, обряды, ритуалы), предметным (вещи, здания), субъектно-объектным (существа, персонажи, лица) и т. д. (см. содержательный компонент 'совокупность' в ряде словарных статей).

Вполне закономерно, что при расширительном понимании сути сакрального в фокус интерпретации попадают как языковые единицы религиозного (и шире — культового, обрядового) содержания, так и демонологическая лексика и фразеология как два полюса одного феномена: «Сакральное обладает благоприятным или неблагоприятным действием и характеризуется противоположными понятиями чистого и нечистого, святого и кощунственного, которые своими границами как раз и обозначают пределы религиозного мира» [3, с. 166].

Разрабатываемая нами концепция расширительного толкования сути сакрального позволяет рассматривать СТ в качестве компонента традиционной духовной культуры народа и источника этнокультурной информации. Опираясь на предложенное выше понимание сакральности, к СТ мы относим заклинания, заклички, обереги, заговоры, гадания, обрядовую поэзию, традиционный народный календарь, а также «свернутые» тексты: мифологемы и приметы, устойчивые ритуальные формулы и идиомы, связанные с отдельными семантическими полями. Предварительные наблюдения над формой организации сакрального содержания в указанных СТ, а также над особенностями их функционирования и восприятия современными носителями языка (говора) позволяют выдвинуть следующие предположения относительно параметров, которые необходимо учитывать при интерпретации СТ как лингвокультурного феномена:

1. В сознании современного носителя языка в той или иной степени представлены структуры мифологического сознания, которые дают возможность адекватной интерпретации сакрального содержания.

2. Сакральному тексту присуща своя логика, поскольку его цель — воздействие на адресата, не предполагающее рациональной оценки содержания, которое принимается как нечто данное.

3. Для передачи культурно значимых смыслов в СТ моделируются особые типовые ситуации, реальные или воображаемые (= симулякры), при этом «действительность передаётся не прямо, а сквозь призму известного мышления, <в котором> еще не существует причинно-следственных связей, здесь господствуют иные формы связи... За реальное признается то, что мы никогда не признаем за реальное, и наоборот» [7, с. 146].

4. Основным элементом культурного содержания СТ является регламентация, которая проявляется в частности в предписании адресату сообщения выполнять определенные действия *post factum* с учётом описанной в тексте ситуации и на основе «отфильтрованных» народной аксиологией стереотипов поведения.

5. Сакральный текст имеет регламентированные традицией правила и / или условия произнесения, чётко предписывающие исполнителю соблюдение мельчайших деталей (от слов и интонации до жестов и атрибутики). Кроме того, СТ часто является лишь фрагментом сакрального ритуала, обряда, однофункциональной и семантически однородной системы текстов, которые объединяются в некий макротекст.

6. Интерпретация полученной информации осуществляется с учётом существенных для адресата сообщения социальных, этнопсихологических, лингвокультурных и пр. пресуппозиций.

7. Сакральность, с одной стороны, — явление стабильное (текст практически в неизменном виде передается от поколения к поколению), с другой — динамичное (в процессе функционирования текст может десакрализоваться).

8. Любой СТ характеризуется символичностью и суггестивностью.

Отмеченные признаки условно обозначим как элементы канона СТ, определение которого можно сформулировать следующим образом: сакральный текст — это произносимый по особым правилам или в особых условиях суггестивный текст, символически насыщенный, обладающий относительно устойчивой формально-содержательной структурой, которая отражает особенности мифологического сознания [4].

Прокомментируем компоненты данного определения.

Особые правила и / или условия произнесения сакрального текста. Сакральные тексты характеризуются ритуализованностью, т. е. непременно включением текста в ритуал его исполнения. Для того чтобы СТ возымел действие, для каждого жанра существуют свои правила произнесения. Так, заговоры проговариваются интонационно невыразительной скороговоркой или шепотом; заклинания — с особой интонационной и ритмической выразительностью, сопровождающейся экзальтацией и усиленной жестикуляцией. Условия произнесения СТ также регламентированы традицией. Заговоры читаются чаще всего немолодыми женщинами, обладающими «тайным знанием»; приметы произносятся всегда «к случаю», определяя действия адресата. Произнесение текста заговора де-

тально регламентировано ритуалом (обрядом), который, выступая как зеркало морально-этических, национально-культурных, культовых и других представлений народа, детально «алгоритмизирует» действия участников. Например, регламентированными компонентами ритуала излечения были место и время его проведения. Так, прострел («острая пронизывающая кратковременная боль») лечили *обязательно где-нибудь на дверном пороге* (считалось, что эта боль «входит» в человека с порывом ветра, когда кто-нибудь чужой открывает дверь); *в бане* сначала лечили вывихи (ср. расслабление мышц от тепла), потом почти все болезни изгоняли в бане: *Наешишь луку, ступай в баню, натришь хреном да запей квасом // Баня — мать вторая. Кости распаришь, всё тело направишь* [2, т. 2, с. 170–171]; место *у огня (у печи, костра)* использовалось при лечении от лихорадки, а *между огнями* — от повальных болезней и мора скота, когда стадо скота прогоняли между огнями; на *межу* (символическое воплощение грани жизни и смерти) выносили особо тяжело больных, когда непонятна была причина заболевания, другие способы не помогали и надежд на выздоровление было мало (ср. выражения *пограничное состояние, между жизнью и смертью*). Время проведения ритуального действия было приурочено к восходу и заходу солнца, например, *по трем зорям* — вечером, утром и вечером следующего дня изгоняли лихорадку; *на вечерней заре* читали заговоры против зубной боли, *на утренней заре* — от «насыльных» болезней (порчи, сглаза, испуга и прочих детских болезней, которые, как традиционно считалось, были «насланы» на детей специально в наказание родителям). Лишь «обманные» ритуальные действия совершались *ночью*: прятались от лихорадки, притворялись мертвыми, заменяли человека куклой (чучелом) и т. п.

Суггестивность сакрального текста (от лат. *suggestio* ‘подсказывание, внушение, намёк’) понимается нами как воспринимаемое без критической оценки активное воздействие текста на воображение, эмоции, чувства слушателя посредством образных, символических, цветовых, ритмических, звуковых и т. п. ассоциаций. Так, одним из приёмов суггестии примет народного календаря является интерпретация метеорологических признаков на основе их ложноэтимологических связей (по случайному созвучию) с именами святых, связанных с днём-указателем: *Мокро на Мокея — жди лета ещё мокрее; На Луку высаживай лук; На Евтихия день тихий* и др. Суггестивный эффект основывается в таких случаях уже не на семантических, а, скорее, на формальных (фонетических, звукосимволических, ритмико-мелодических, структурных) параметрах СТ. Ср., например, серии звукоподражательных обозначений персонифицированного ночного детского страха, встречающиеся в текстах заговоров от бессонницы: *шутуха-бутуха-рокоуха-стрепетуха-егозуха-лепетуха, не май и не мучь моего дитятка ...* Маркером суггестии текста, содержащего культурно значимую информацию, является не только форма языкового знака, но и семантический потенциал ритуала, в который включён вербальный текст.

Символическая насыщенность сакрального текста связана с тем, что СТ не простое бытописание, это представление о бытии по модели архаичного сознания, которому была свойственна произвольная эмоционально-ассоциативная связь реального и воображаемого, природного и человеческого, вещи и ее имени, слова и действия и т. п. Сакральный текст — это особый ритуализованный мир, насыщенный символическими знаками, понять смысл которых можно только при соотнесении их друг с другом. Мифосимволизм продемонстрируем на примере гадательного СТ. Каждый знак в нём — условный, имеющий множественную интерпретацию, которая зависит от адресата сообщения (его «запроса», состояния, жизненных обстоятельств, воображения и т. п.), от исполнителя (его мотивов, компетенции, творческой фантазии и т. п.), от соотношения с другими знаками и т. д. Так, одним из видов гадания является объяснение тени: *Листок бумаги, на котором записан вопрос, сминают в комоч, поджигают на тарелке, поднесённой к стене, и смотрят на тень, пытаясь разглядеть какое-либо изображение и объяснить его с учетом загаданного. Тень человека предвещает незамужней девушке встречу с суженым, бедному — неожиданную помощь, богатому — кражу имущества* и т. д. Прогностический потенциал визуального знака реализуется в опоре на самые общие социальные, культурные, бытовые и др. импликатуры («девушка надеется выйти замуж», «слабый ждёт помощи от сильного», «богатый боится потерятьжитое» и т. п.), что даёт возможность установления различных ассоциативных связей для формирования содержания гадательного СТ. Ассоциативную связь мы, вслед за Т. А. Гридиной, понимаем как «основу вариативности планов выражения и содержания словесного знака ... во всех возможных аспектах его актуализации, включая системные и асистемные тенденции его функционирования в языке и речи и намерения (интенции) интерпретатора» [1, с. 38]. Вербальный компонент СТ чаще всего варьируется в соответствии с реакцией адресата гадательного прогноза на первые реплики и поддерживается акционально-предметным компонентом СТ (сжигание листа бумаги с вопросом), «эксплуатирующим» двойственную символику огня — стихии уничтожения, разрушения, смерти, с одной стороны, и очищения, света и тепла, — с другой.

Относительная устойчивость формально-содержательной структуры сакрального текста — «требование» его магической функции. Устойчивость проявляется в разных жанрах СТ по-разному. Например, для примет — составом тематики предсказаний и набором регламентаций, для заговоров — набором клишированных языковых формул и т. д. Общим параметром устойчивости СТ является то, что основная его часть воспроизводится, а не порождается, варьироваться могут отдельные детали, но не инвариантная формально-содержательная структура.

Вариативность проявляется в таких параметрах, как: а) выбор лексического наполнения структур; б) территориальная и временная изменчивость; в) соотнесённость отдельных компонентов с разными символами и ситуациями; г) возможность передачи одного и того же содержания разными средствами; д) набор символов, соотносимых с традиционными мотивами и значимых для данного этнокультурного

пространства. В качестве ограничителей вариативности выступают функция текста, адресная направленность и традиция.

Существенным для понимания параметра «устойчивость» СТ является определение «относительная», что связано с явлением десакрализации. Этот процесс отражает общую динамику функционирования отдельных форм традиционной культуры, связанную с забвением их первичных функций и мифоритуальных основ. Так, приметы и заговоры могут базироваться на игровой когнитивной стратегии, становясь в большей или меньшей степени игровыми текстами, не выходя при этом за рамки жанра. В этом случае можно говорить об утрате изначальной связи приметы с ритуалом и магией, что ведёт к функциональному сдвигу в целеполагании текста: если исконная функция приметы эзотерическая, то в настоящее время усиливается её познавательная, развлекательная, эстетическая функция. Исходная магия тайного знания стирается.

Отражение особенностей мифологического сознания в СТ заключается в том, что языковые средства СТ конституируют основные параметры сопоставления макро- и микрокосма (природы и человека), важные, с точки зрения носителей архаического сознания, приёмы воздействия человека на окружающий мир. Здесь не может быть истинного или ложного сопоставления, поскольку таковы особенности пралогического сознания. Таким образом, в результате подобных сопоставлений не просто описываются свойства явлений, а актуализируются наиболее важные для языкового сознания (или мифологического мышления) признаки, раскрываются их магические связи и т. п. Приведём в качестве иллюстрации примеры симпатической магии, которая заключена не только в создании ритуального (акционального) подобия, но и в вербальном выражении сопричастности сходных предметов, животных и человека как части природы, что приводит к установлению между ними глубинных связей. Считается, что, используя механизмы установления тождества, в том числе и вербального (имени и вещи, лица), можно воздействовать на различные «символические эквиваленты» человека или животного и тем самым опосредованно влиять на него самого. Ср., например, заговор, построенный на таком подобии: *Чтобы корова домой ходила с пастбища. Кладут в ворота пояс, который носят часто, и говорят: «Как этот пояс всегда со мной, не отходит от меня, так чтоб и ты, моя коровушка, не отходила от двора».*

Одним из наиболее популярных средств симпатической народной медицины является воздействие на символические эквиваленты симптома болезни или лечение больного с помощью этих эквивалентов. При этом само название обряда выступает в качестве симпатического средства. Отметим в этой связи магические заклинания, заклички, присловья, заговорные формулы, наговоры, в которых обыгрывается эпидигматическая связь названия болезни по названию производимого ею в организме действия, и обозначения действия, которое должно быть произведено над самой болезнью с целью её уничтожения: — *Что грызёшь? — Грызь грызу. — Грызи, да гораздо.* Название болезни *грызь* ‘резь, ломота, ноющая острая боль’ связано с определёнными болевыми ощущениями «боль грызёт», поэтому в соответствии с принципами симпатической магии, чтобы избавиться от боли, её надо *изгрызть*. Кроме того, в данном случае магический эффект усиливается за счёт фоносемантического сближения контекстуальных партнёров с одинаковым консонантным звукокомплексом [грз]: *грызь — грызи — гораздо.*

В процессе современного функционирования архаических сакральных текстов происходит **трансформация сакральных смыслов** даже устойчивых единиц (клише, стереотипных формул, фразеологизмов, малых сакральных текстов). Это находит отражение в забвении одних и переосмыслении других базовых культурных компонентов, их социальной мифологизации, в рождении новых смыслов, ориентированных в значительной мере на сферу профанного.

Основной тенденцией функционирования сакральных языковых единиц разных уровней является их десакрализация. Процесс десакрализации можно наблюдать в развитии у слова многозначности, когда сакральные и профанные лексико-семантические варианты сосуществуют в семантической структуре: **Зааминить**. 1. Закончить, завершить что-либо, сказав *аминь*. *Думаешь, зааминил, — так и прав.* 2. Уничтожить, заговорить болезнь (колдовством, заклинанием). *Зааминю все чирьи, все вередь.* (При болезни глаз) *лекарка зааминивает зрачки на утренней заре и вечерней.* 3. В суеверном представлении — оградить себя от какого-нибудь неприятного обстоятельства, беды произнесением слов *аминь будь*. *Старик его [черта] там опять и зааминил* [9, вып. 9, с. 238].

Можно выделить несколько направлений десакрализации в структуре диалектных полисемантов, причём этот процесс универсален и отмечается в большей или меньшей степени во всех говорах:

а) на основе предметно-символической метафоры: *ад, адина* — ‘рот, горло, глотка’ — *чего ад-то раскрыл* [8, т. 1, с. 13], *алтарь* — ‘круглая чистая площадка на сенокосе между зарослями кустарника’ — *места, где кустов-то нет, и будут алтари* [8, т. 1, с. 15];

б) на основе метонимии: *ангел* — ‘большое облако’ — *ангел* — *облако большое в вышине, благость от него* [8, т. 1, с. 17];

в) на основе экспрессивно-оценочного переосмысления: *запеть аллилуйю* — ‘долго и нудно твердить одно и то же’, ‘нести вздор’;

г) на основе деспециализации, расширения значения (изначально только сакрального): *алтарёвый* — ‘вид вышивки’, ‘вид бисероплетения’: *фенечки таки из бисеру, нечѣ, басеньки.*

Крайней степенью десакрализации является развитие знантиосемии, как правило, оценочной: *апостол* — ‘бездельник, разгильдяй’ (*бран.*) — *Выростила апостолов эжих! Эдаки поганцы — ничего не робят* [8, т. 1, с. 19]; ‘чиновник, который кичится своим положением’ (*презр.*) — *Ванька к имя и не зааживат, апостол такой дак, оне ему нехто!*

Таким образом, современная сакральная коммуникация представляет «культурный текст» (в широком понимании), включающий в качестве компонентов такие составляющие, как *обрядность*, ритуально-магические *действия* с символическими *предметами*, выполняемые *людьми*, которые владеют неким *тайным знанием*. Производится этот сакральный акт в заданном сакральном каноне *месте*, в определённое *время* и в регламентированной *последовательности* действий, представляющих некую алгоритмизированную процедуру. Воздействие на адресата в сакральной коммуникации осуществляется за счёт дополнения словесных магических формул изобразительными символическими действиями или атрибутами, что в целом создаёт комплекс культурно насыщенных знаков, в сочетании передающих сакральное содержание.

Литература

1. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. — Екатеринбург: УрГПУ, 1996. — 214 с.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа. В 3 т. Т. 2 / В. И. Даль. — М.: Рус. яз., 1993. — 267 с.
3. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа. — М.: ОГИ, 2003. — 296 с.
4. Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен / Н. И. Коновалова. — Екатеринбург: АТГрупп, 2007. — 278 с.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство, 1994. — 412 с.
6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. — М.: Язык рус. культуры, 1996. — 412 с.
7. Пропп В. Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. — М.: Лабиринт, 1998. — 352 с.
8. Словарь говоров Русского Севера. Т. 1 / ред. А. К. Матвеев. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. — 234 с.
9. Словарь русских народных говоров / ред. Ф. П. Филин. — М.; Л., 1965—1998. — Вып. 1—37.
10. Толстой Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. — М.: Индик, 1995. — 512 с.
11. Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. — 272 с.
12. Энциклопедический словарь по культурологии / ред. А. А. Радугин. — М.: Центр, 1997. — 478 с.

References

1. Gridina T. A. Jazykovaja igra: stereotip i tvorchestvo / T. A. Gridina. — Ekaterinburg: UrGPU, 1996. — 214 s.
2. Dal' V. I. Posloviцы russkogo naroda. V 3 t. T. 2 / V. I. Dal'. — M.: Rus. jaz., 1993. — 267 s.
3. Kajua R. Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe / R. Kajua. — M.: OGI, 2003. — 296 s.
4. Konovalova N. I. Sakral'nyj tekst kak lingvokul'turnyj fenomen / N. I. Konovalova. — Ekaterinburg: ATgrupp, 2007. — 278 s.
5. Lotman Ju. M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII — nachalo XIX veka) / Ju. M. Lotman. — SPb.: Iskusstvo, 1994. — 412 s.
6. Lotman Ju. M. Vnutri mysljashhij mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istorija / Ju. M. Lotman. — M.: Jazyk rus. kul'tury, 1996. — 412 s.
7. Propp V. Ja. Pojetika fol'klora / V. Ja. Propp. — M.: Labirint, 1998. — 352 s.
8. Slovar' govovor Russkogo Severa. T. 1 / red. A. K. Matveev. — Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 2001. — 234 s.
9. Slovar' russkih narodnyh govovor / red. F. P. Filin. — M.; L., 1965—1998. — Vyp. 1—37.
10. Tolstoj N. I. Jazyk i narodnaja kul'tura. Ocherki po slavjanskoj mifologii i jetnolingvistike / N. I. Tolstoj. — M.: Indrik, 1995. — 512 s.
11. Himik V. V. Pojetika nizkogo, ili prostorechie kak kul'turnyj fenomen / V. V. Himik. — SPb.: Izd-vo SPbGU, 2000. — 272 s.
12. Enciklopedicheskij slovar' po kul'turologii / red. A. A. Radugin. — M.: Centr, 1997. — 478 s.

КОНОВАЛОВА Надія Іллівна,

доктор філологічних наук, професор, директор Інституту філології, культурології та міжкультурної комунікації Уральського державного педагогічного університету; Екатеринбург, Росія;
e-mail: sakralist@mail.ru; тел.: 007 (343) 354-11-75; моб.: + 7-922-610-77-95

ІНТЕРПРЕТАЦІЯ САКРАЛЬНОГО ТЕКСТУ ТРАДИЦІЙНОЇ НАРОДНОЇ КУЛЬТУРИ

Анотація. У статті розглянуто проблему дослідження сакрального змісту, представленого в текстах традиційної народної культури. Визначено суть поняття *сакральне* і коди його втілення в культурній традиції. Запропоновано комплексну лінгвокультурологічну модель інтерпретації сакрального тексту з урахуванням його семантики, синтактики та прагматики. Виділено такі параметри сакрального тексту, як особливі правила й / або умови проголошення, сугестивність, символічна насиченість та ін. Відзначено основну тенденцію функціонування сакрального тексту в сучасному соціокультурному контексті, а саме тенденцію десакралізації на основі предметно-символічної метафори, метонімії, експресивно-оцінного переосмислення, деспеціалізації, розширення вихідного сакрального значення й ін.

Ключові слова: сакральний текст, лінгвокультурологічна модель, міфологема, десакралізація.

Nadezhda I. KONOVALOVA,

Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Linguistics, Cultural and Intercultural Communication in Ural State Pedagogical University; Ekaterinburg, Russia;
e-mail: sakralist@mail.ru; tel.: 007 (343) 3541175; mob.: + 7 922 6107795

THE INTERPRETATION OF SACRAL TEXT OF TRADITIONAL FOLK CULTURE

Summary. The problem of study of sacral contents presented in the texts of traditional folk culture is considered in the article. The essence of concept *sacral* and codes of its realization in cultural traditions is determined. A complex lingual and culturological model of interpretation of sacral text, taking into account its semantics, syntactics and pragmatics is supposed. Such parameters of sacral text, as specific rules and/or conditions of pronunciation, suggestiveness, symbolic saturation and others are picked out. Main tendency of functioning of sacral text in the modern sociocultural context is marked (desacralization on the basis of object-symbolic metaphor, metonymy, expressive evaluative rethinking, despecialization, extension of the original sacral meaning, etc).

Key words: sacral text, lingual and culturological model, mythologem, desacralization.

Статтю отримано 30.01.2014 р.